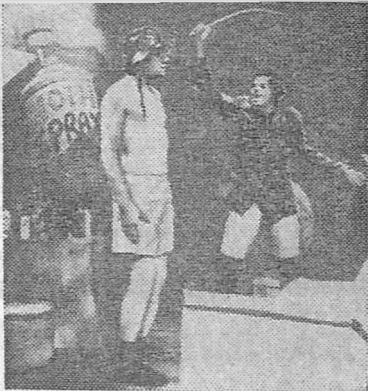

302578

27 MAR 1953

КТО СМЕЕТСЯ В «ПИККОЛО»

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

Г. Москвитин

„МИЛЫЙ, — спрашивает жена, — во что мы играем сегодня?» Муж выбирает игру под названием: «Комендант Генрих издевается над солдатом Шульцем». Жена натягивает китель офицера вермахта, берет в руки хлыст, муж хватается за пульверизатор — и игра начинается...

Сии «странные» игры — основное содержание одноактной пьесы молодого голландца Яна Кремера «The Late, Late Show» («Позднее, позднее зрелище»), поставленной недавно роттердамским «Пикколо-театром». Описывать их невозможно, да и не стоит — пришлось бы слишком часто обращаться к весьма специфической медицинской терминологии. Гораздо интереснее другое: характерный просчет, который допускает в своем произведении автор.

Дело в том, что свою пьесу Кремер писал в общем-то с благими намерениями, задумав ее как сатиру на «современный образ жизни» (в первую очередь в США, поскольку главные действующие лица — американская супружеская пара), как карикатуру на обывательское «семейное счастье». Пресыщенный, взбесившийся от скуки буржуа — вот кто должен был стать в ней объектом нападения. Однако в пылу атаки писатель явно забыл о чувстве меры, которое, как известно, в искусстве — вещь далеко не последняя. Забвение этого правила не замедлило отомстить драматургу. Сатиры не получилось. Получился натуралистический гротеск, где смакование патологических «подробностей» стало самоцелью, — и только.

Говорят, правда, в «Пикколо-театре» на пьесе Кремера не раз раздается хохот. Что ж, весьма возможно. Беда только в том, что хохот этот до отвращения схож с жеребячьим ржанием все того же «взбесившегося обывателя». И не мудрено: обыватель охотно смеется, когда его собственные пороки выглядят как первородный грех всего человечества.

В. КАПИТОНОВ.